

Лучшие романы
о Рождестве

Cally Taylor

Home for Christmas

Copyright © Cally Taylor 2011

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn
Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Ю. Качалкиной*

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Келли Тейлор
Домой
на Рождество

*Мечты
исполнятся!*

Москва
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4 Вел)-44
Т30

Cally Taylor

HOME FOR CHRISTMAS

Copyright © Cally Taylor 2011

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn
Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Ю. Качалкиной

Художественное оформление Е. Анисиной

Тейлор, Келли.

Т30 Домой на Рождество / Келли Тейлор ; [пер.
с англ. Ю.А. Качалкиной]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2015. — 384 с. — (Лучшие рома-
ны о Рождестве).

ISBN 978-5-699-83963-6

Келли Тейлор написала трогательную и добрую кни-
гу о девушке, которая получает на Рождество лучший по-
дарок из всех, что только можно пожелать.

Бэт Принс живет на побережье, работает в старей-
шем кинотеатре Брайтона и в свои двадцать четыре года
по-прежнему верит в чудеса. Ее жизнь прекрасна, но есть
одна проблема: никто и никогда не признавался ей в люб-
ви! Близятся праздники, и Бэт сделает все, чтобы заветные
слова прозвучали. Когда кажется, что удача уже на ее сто-
роне, все меняется: теперь под угрозой карьера и личная
жизнь Бэт. Сможет ли она преодолеть препятствия и по-
лучить на Рождество то, о чем так давно мечтала?

УДК 821.111-31
ББК 84(4 Вел)-44

© Качалкина Ю., перевод на русский
язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

ISBN 978-5-699-83963-6

Глава 1

Бет

Я пыталась разложить ноябрьские афиши аккуратными стопочками на своем рабочем столе, но чувствовала, как из глубины опустевшего кинозала на меня смотрит Он — самый красивый мужчина на свете. Его уверенный взгляд встретился с моим, и мне пришлось спешно отвернуться, потому что щеки запылали румянцем. Даю руку на отсечение, он знал, о чем я сейчас думаю.

«Ну, давай, Бет! — Правое полушарие моего мозга включило свою рациональную «песенку», стоило мне присесть на свое рабочее место. — Ну, давай, не дрейфь, пойд и поговори с ним. Я тебе помогу».

«Куда-куда?! — включалось левое полушарие, всегда полное сомнений. — Смеху-то! А если кто-нибудь войдет и увидит тебя?»

«Да никто не войдет, половина одиннадцатого утра, а первый сеанс у нас не раньше одиннадцати. Так что давай, решайся».

Кажется, правым полушарием мозга я сейчас чертыхнулась, но, держа себя в руках, спокойно встала, прошла по фойе и оказалась в паре шагов

от темного, прекрасно очерченного мужского силуэта, вырисовывавшегося на фоне прозрачной входной двери. От его теплой улыбки у меня в животе все приятно сжалось.

— Мне надо тебе кое-что сказать, — избегая немигающего взгляда и пялясь на ковер под ногами, я старалась говорить четко. Когда-то ковер был гордого малинового окраса, с густым ворсом, а потом, как и все в жизни и в нашем маленьком кинотеатре, пообносился и вылинял. И при чем тут ковер? Вечно я отвлекаюсь. — Так вот. — Я уже начинала нервничать. — Я полюбила тебя с первого взгляда... — Я задержала дыхание, но красавчик ничего не ответил.

Черт возьми, неудивительно. За такое «картонное» признание в любви мне бы точно вручили «картонного» Оскара.

— Извини, — продолжила я, все еще разглядывая ковер, словно в нем был спрятан секрет удачного признания в чувствах. — В общем, несколько месяцев я пытаюсь собраться с духом и сказать тебе... короче... что я в тебя влюбилась...

Красавчик по-прежнему безмолвствовал, а мой живот сводило уже не от нежности, а от напряжения.

— Ну что, все действительно так плохо? — Я заглянула в карие глаза: казалось, в них можно утонуть и стореть одновременно. И смахнув паутинку с его щеки (слегка переборщила с украшением зала под Хэллоуин, с тех пор все недосуг было убирать), добавила: — Вот если бы ты был Айденом, то дал бы деру от меня — от всех обе-

щаний и надежд? Если бы ты вообще, конечно, мог бегать.

Картонная фигура Джорджа Клуни молчала.

— Господи! — Покачав головой, я вернулась к своему рабочему месту. — Я и в самом деле схожу с ума. Ну какая женщина в здравом уме станет тренироваться на картонке, признаваясь ей в любви?

Плюхнувшись в кресло, я бездумно уставилась в монитор. С Айденем мы уже восемь месяцев были вместе, а он так до сих пор и не сказал, что любит меня. Впрочем, я тоже ничего такого ему не говорила, но вы бы не стали меня за это осуждать, зная, как мой бывший парень отреагировал на мое признание.

Я оглянулась на Джорджа Клуни. Казалось, он смотрит на меня и смеется.

— Смейся-смейся, тебе-то, поди, миллионы людей в любви признаются... пока я тут... эх...

Я уронила голову на руки и вздохнула. Даже вслух не могла произнести, лишь подумала: вот, мне двадцать четыре года, и никто ни разу не сказал, что любит меня. Мне, положим, говорили вещи типа «Ты мне очень нравишься», «Ты мне не безразлична» и — коронное — «Ты столько для меня значишь!», но вот произнести три самых простых слова никто не решился. По всему свету люди только и делали (казалось мне), что влюблялись (падали в любовь, как стало модно выражаться), делились своими чувствами друг с другом. А со мной что не так? Почему с неизбежностью лавины за «Пойдем выпьем вместе?» через непродолжительное время следова-

ло: «Дело не в тебе, а во мне, детка»? Меня что, совсем-совсем нельзя полюбить? Это хуже, чем в двадцать четыре года быть девственницей (слава богам, я свою девственность потеряла давно).

Мы переспали с Лиамом Уилкинсоном, школьным донжуаном, на ворохе курток во время вечеринки по поводу его семнадцатилетия. Все оставшиеся выходные я жила словно в романтической облаке, не веря, что я действительно стала женщиной, а потом меня быстро вернули в реальность, когда настал понедельник и я пришла на занятия.

— Привет, Лиам! — выпалила я, едва сдерживая дыхание, собрала все свое мужество, чтобы первой подойти к нему в коридоре. — Просто хотела тебе сказать, что мне никогда не было так хорошо, как на твоём празднике.

— Клево. — Лиам потрогал кончики своих начаченных по последней моде волос, проверяя причёску. Взглядом он блуждал где-то за моей спиной. — Рад, что тебе понравилось, потому что я сам ну ни черта не могу вспомнить, пьяный был вусмерть.

Через две недели после этого случая Лиам признался в любви к Джессике Мерриот — написал её имя на стене перед нашим классным окном. Его за хулиганство отстранили от занятий на две недели, но он знал, что оно того стоит.

Любой, с кем я когда-либо встречалась, уже ко-го-то любил до меня. Это я всегда чуяла — по тому, как вспыхивали их глаза при упоминании первых

возлюбленных и бывших подружек. Но в меня они до «вспыха» в глазах почему-то не влюблялись. Ни один. И не понятно почему. Психичкой я не была, занудой — тоже. Жадной жестокой эгоисткой... нет, я была самой собой, Бет Принс, которой все эти жеребцы говорили (каждый в свой срок): «Ты такая милашка, но я тебя все равно бросаю». Что я делала не так? Может, у меня отсутствует специальная хромосома, ответственная за любовь?

— Что делать, Джордж? — снова обратилась я к оскароносному Клуни. — Мне признаться Айдену в своих чувствах?

Конечно, я собиралась признаться не в том, что меня никто никогда не любил по-настоящему (иначе он подумает, что я лузер). Мне нужно было сказать ему, что я его люблю. Так вот, Джош — мой бывший — стал белее полотна, услышав слова о моей любви. Но ведь не факт, что Айден реагирует так же. Вдруг Джош тогда просто испугался? Может, его бывшая подружка, Мажента, так его заездила, что он уже просто эти слова слышать не мог спокойно? Вдруг Айден как раз и ждет, чтобы я призналась первой...

Айден Доулз отличался от всех моих парней. Он оказался пугающе роскошным, но и не без тонкого очарования, отлично сложенным физически, с хорошим кругозором (много путешествовал) и порой невыносимо умничал. Часами говорил о тех временах, когда работал в сиротском приюте в Непале, или о Новой Зеландии. Мне еще ни разу мужчина вроде Айдена не попадался. Чем-то он походил

на романтического и интеллигентного героя Рэйфа Файнза.

Последние месяцы молчать о своих чувствах к Айдену для меня превратилось в пытку. Всякий раз как я его видела, что-то росло во мне и готово было вот-вот выплеснуться наружу (правда, моя соседка, у которой я жила, Лиззи, сравнивала это состояние с тошнотой от перепоя). Но с этой «тошнотой» нужно было что-то делать. Я уже все спланировала: Айден пригласил меня к друзьям на празднование Дня всех святых, и я кучу времени потратила на то, чтобы по Интернету найти сногшибательный костюм для данного мероприятия. И если Айден был просто шикарным, то его приятели были зашибись-какие-шикарные: тощие по моде, они могли и в самых бросовых тряпках выглядеть дорого и стильно. Скорее всего, приятели вырядятся на вечеринку в узкие черные платья нулевого размера (какие могут носить только манекенщицы на грани голодной смерти). И кровь у них будет прилеплена так, что никому и в голову не придет, словно это не часть их фирменного мейкапа. Мне было ну никак не угнаться за подобным совершенством. Не в последнюю очередь потому, что я однажды уже попробовала влезть в платье нулевого размера — в итоге влезла одна моя нога, и все. Поэтому креатив по случаю праздника сместился в сторону клоунских костюмов. В итоге я выбрала и заказала по «Ебау» гигантский костюм тыквы. Доставили его вместе с бонусом — шляпкой. У шляпки имелась резиночка, которую можно было, как в детстве, крепить под подбородком.

Я примерила все это великолепие и не смогла удержаться от смеха. Выглядела я, мягко сказать, глупо: как чудовищных размеров оранжевая капля с крошечной головой. На фоне оранжевого костюма ноги казались слишком белыми и неуклюжими. На мой смех прибежала Лиззи, и теперь уже мы обе взмокли от хохота.

Вернувшись из ванной, Лиззи предложила «разбавить» сомнительный наряд чулками на подвязках и обзавестись туфлями на высоком каблук.

— Ты просто обязана! — Она настаивала на своем, оглядывая меня сверху вниз с ухмылкой. — Костюмчик сидит идеально, но не хватает дерзости, Бет. Я бы вниз, под эту тыкву, надела еще корсет или, на худой конец, боди. Только представь лицо Айдена, когда он разделается с этим «овощем» и обнаружит под ним свою Богиню. У него глаза на лоб полезут!

Положим, насчет Богини я вообще не была уверена, что она существует, но вот идея удивить своего парня мне понравилась. Я живо вообразила, как Айдэн сгребает меня в охапку, охваченный томительным нетерпением, и прямо почти насилует... а после, лежа в его объятиях, я посмотрю на него и скажу...

— Я так тебя люблю... — сказала я, сидя в своем рабочем кресле и тренируя на лице улыбку, чтобы слова о любви звучали более ярко и убедительно. А получалось как-то чересчур изыщно, словно какая-нибудь пятилетняя американка признается в любви к своей бабушке. Вот незадача. Я остави-

лась в монитор, стараясь мысленно придать трем простым словам о любви глубокий смысл.

— Люблюююююю тебяяя. — Я произнесла это низким, густым тоном. Наверняка любой итальянский жиголо мне позавидовал бы, куда ему до моего тембра!

Я взяла сценарий фильма «Когда Гарри встретил Салли» — это была моя настольная рабочая книга. И фильм по сценарию был моим самым любимым — Нора Эфрон все же гениальна. Как они там говорили друг другу о любви? Как у них, черт подери, выходит так романтично и идеально? Я просмотрела глазами текст, зная его наизусть, а потом захлопнула сценарий. Все равно, как в кино, у меня не получится, поэтому надо найти свой уникальный способ признания.

— Люблю же тебя! — воскликнула я с чувством: скорее, чувство передавалось за счет громкости, нежели за счет страсти. — Люблю! Люблю! Люблю!

— Спасибо, — вдруг кто-то отозвался из глубины кинозала. — Ты ничего так.

Я в шоке вылупилась на Джорджа Клуни. Картонные губы актера не двигались. Человек, который стоял за ним, напротив, весело улыбался во весь рот.

«Ох ты, елки-палки...» — пронеслось у меня в голове.

Первой мыслью, когда я сползла по стулу и оказалась за своим рабочим столом, было просто залезть под стол и там оставаться. Следом — после

того как мне в бедро воткнулся край мусорного ведра и я краем глаза, прижимаясь щекой к столу, увидела неожиданного гостя, который меня напугал, — я подумала: а собственно, какого черта?

— Эй, вы там в порядке?

Ой, его голос звучал громче, значит, гость приближался. Почему нельзя, когда видишь, что кому-то жутко плохо и расплещивает от переживаний, просто не вмешиваться и дать человеку спокойно отойти в мир иной?

— Я не против, чтобы вы меня любили. — Голос звучал громче, в нем нарастали нотки веселья. — Вот, например, дочка моего коллеги убеждена, что выйдет за меня замуж, стоит ей только повзрослеть. Ей сейчас два годика и... Эй, вы там? Вы в порядке или мне вызвать врача?

«Ну да, давай врача. А еще — в полицию позвони, а то я пока недостаточно смущена. Ну, что же ты?»

— Я в норме, правда, — заверила я незнакомца, выползая из своего временного укрытия под столом. Прическа сбилась, волосы упали на лицо. — Я просто уронила скрепку.

— Если скрепку, то все понятно. Скрепки жизненно важны, вы не можете себе позволить потерять даже одну, самую маленькую.

Я опиралась на край своего стола, все еще стоя на коленях, и смотрела на мужчину. Лет тридцати, темные волосы лихо уложены в стиле я-сексуальный-только-из-постели, а губы большие и красиво

очерченные, хотя, конечно, самыми красивыми на его лице являлись глаза. Такого глубокого орехового оттенка я раньше не видела. Чувствуя, что краснею, я поправила прическу, стараясь скрыть свое смущение.

— Могу я вам помочь? — Я поудобнее устроилась в кресле и выпрямилась.

«Давай, Бет, хотя бы попытайся изобразить профессионализм!»

Гость улыбнулся и положил руки в карманы своих темных джинсов:

— Миссис Блэксток у себя?

— Эдна? Вы к ней пришли?

«Боже, что ему понадобилось от моей начальницы? Может, он собрался наябедничать, что я тут признавалась в бессмертной любви к картонному Джорджу Клуни?»

— Да-да. — Гость кивнул и протянул руку для пожатия. — Я — Мэтт Джонс.

Руку я пожалала.

— Бет Принс. Вы по поводу работы, Мэтт?

Для студента он был староват, но сюда приходили самые разные типы, так что ничего невероятного в том, что тридцатилетний студент пришел устраиваться на работу, не было.

— Ну, вроде того. — Он улыбнулся. — Так Эдна у себя?

— Нет.

Интересно, а надо ли ему говорить о том, что Эдну Блэксток я не видела уже почти месяц? Ей было почти сто лет, моей начальнице, — ну, не сто, ладно, семьдесят. И кинотеатр «Пикчербокс» яв-

лялся ее семейным бизнесом, он передавался из поколения в поколение. Когда я только пришла сюда работать, Эдна появлялась в офисе несколько раз в неделю, каждый раз с какой-нибудь безумной идеей, которую требовалось срочно воплотить в жизнь. Больше всего мне понравилось, когда мы придумали продавать в буфете кинотеатра сэндвичи с пастой «Marmite and Spam». Потом она пропала, но после того, как три года назад умер ее муж, стала все реже навещать нас. Теперь вообще мы о ней только вспоминали.

— Может, я вместо Эдны вам помогу? Вы когда-нибудь работали в кино?

— Вроде того. — Мэтт гордо расправил плечи. — Чуть-чуть.

Я сразу подумала, что это очень милый жест для человека, который оказался на улице и ищет работу в кинотеатре вроде нашего. Я записала его имя на листке бумаги.

— Я что-нибудь слышала о месте вашей работы ранее, это известное место?

— «Аполло».

Бедняжка. Я приподняла бровь. «Аполло» называлась сеть ужасных многозальных кинотеатров, в которой показывали коммерческие боевики и делали кассу на продаже попкорна, к тому же завышали цены на билеты. В общем, полная противоположность тому бизнесу, который вела Эдна. «Пикчербокс» показывал в основном милое архаусное кино. Мы старались подобрать репертуар так, чтобы в нем сочетались шедевры мирового кинематографа и оригинальные фильмы, а наши